

А. М. Лукашевич

РОССИЙСКО-ПРУССКОЕ ОПЕРАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ОТ ИДЕИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ (СЕНТЯБРЬ–НОЯБРЬ 1811 г.)

К 1811 г. Пруссия, которая в результате войны 1806–1807 гг. не только потеряла свой авторитет, но и лишилась значительной части владений, оставалась вероятным союзником России в борьбе с Наполеоном. Однако после Тильзита внешнеполитический курс прусского короля Фридриха Вильгельма III отличался крайней непоследовательностью. С одной стороны, король неоднократно обращался к Наполеону с предложением своих услуг в предстоящей войне с Россией, а с другой, — опасаясь последствий чрезмерного усиления Франции, предлагал Александру I свои военные ресурсы и себя во главе германского ополчения. Последнее было возможно только в случае, если российская армия продвинется к Силезии.

В свою очередь российский император, приняв летом 1811 г. оборонительный план ведения войны с Францией, не переставал зондировать почву относительно возможности создания антинаполеоновской коалиции с целью перенесения военных действий в Европу. Поэтому Александр I с заинтересованностью воспринял предложения прусской стороны.

Летом и осенью 1811 г. шли секретные российско-пруссские переговоры. В сентябре 1811 г. прусское правительство направило в Санкт-Петербург начальника Генерального штаба Г. И. Д. Шарнхорста (1755–1813) для согласования военных планов России и Пруссии на случай войны с Францией.

О подготовке прусским кабинетом этой миссии российский посланник в Берлине Х. А. Ливен сообщил канцлеру графу Н. П. Румянцеву в депеше от 11 (23) июля 1811 г.¹ Он охарактеризовал Г. И. Д. Шарнхорста как очень влиятельного государственного деятеля Пруссии,

принципиального противника ориентации политики этой страны на Францию и сторонника сближения с Россией. Ливен писал, что правящие круги Пруссии «во всем придерживаются тактики выжидания» и что берлинский кабинет, посылая Г. И. Д. Шарнхорста в Россию, рассчитывает «подготовиться к любым неожиданностям, договориться о силах, выделяемых для совместной обороны, и обеспечить посредством единого плана наиболее благоприятные возможности для успешного ведения войны». Посланник высказал мнение, что «надежду на искреннюю помощь со стороны Пруссии теперь может сменить уверенность в ней».² Поездка Г. И. Д. Шарнхорста в Россию сохранялась в глубокой тайне. Из Пруссии он выехал под именем подполковника Менина и 12 (24) сентября 1811 г. прибыл в Царское Село.

К моменту прибытия Г. И. Д. Шарнхорста Россия уже предприняла первые шаги по подготовке возможных военных действий. В начале сентября 1811 г. Александр I назначил пункты, «к коим, в случае неизбежной войны, войска должны собираться». При этом те войска, которые располагались ближе к границе, приказывалось не трогать. Они должны были составить так называемое «ридо», за которым происходило бы передвижение.³ 8 сентября военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли сообщил управляющему квартирмейстерской частью князю П. М. Волконскому о решении императора и просил его «немедленно и в непроницаемой тайне» подготовить маршруты для каждого отдельного полка и представить их «как можно скорее». 12 сентября это указание было выполнено.⁴

При подготовке операции необходимо было иметь «глаза и уши» на границе, чтобы

¹ Даты событий российской истории приводятся по Юлианскому календарю, а международных событий — по Юлианскому и Григорианскому.

Лукашевич Андрей Михайлович — к.и.н., доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (г. Минск, Белоруссия)
E-mail: lukashevand@mail.ru

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. первая. 1801–1815 гг. М., 1962. Т. 6. С. 709 (далее — ВПР).

³ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб., 1904. Т. 5. С. 64 (далее — ОВ 1812 г.); РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 50–51.

⁴ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 54; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 199.

следить за вероятным противником. 10 сентября военный министр доложил императору о первых приготовлениях. В частности, маршруты М. Б. Барклай де Толли планировал разослать «в свое время» и «прямо в полки из секретной своей канцелярии». Эту рассылку предполагалось выполнить так, чтобы «большая часть войск достигла бы свое назначение прежде, нежели цель сего назначения проникнется». Относительно дислокации войск вероятного противника — княжества (герцогства) Варшавского — М. Б. Барклай де Толли сообщал, что они расположены «в разных местах лагерями». Поэтому существовала угроза российским запасным магазинам, расположенным около границы. По мнению министра, в случае «нечаянного на них нападения» магазины будут истреблены ранее, «нежели войска из квартир своих успеют собраться». Положение осложнялось и тем, что корпусные начальники не имели по этому поводу никаких наставлений и оказались бы в «большой нерешимости». Поэтому М. Б. Барклай де Толли просил утвердить его предложения относительно организации командирами корпусов постоянной приграничной разведки, а также относительно свободы их действий при выдвигении войск к границе в случае приближения противника «в значущем числе». В частности, 5-ю дивизию предполагалось приблизить к Шавлям, 4-ю и 1-ю — к Вильно, 3-ю — к Гродно, 11-ю — к Брест-Литовску, 7-ю и 24-ю — к Ковелю. Все остальные дивизии должны были следовать за войсками первого эшелона на те же пункты, «дабы этим предупредить магазейны наши от неприятельского нападения». Резервы могли подойти к границе не ранее чем через месяц. «...Дальние полки, кои состоят не в малом числе, — говорилось в докладе министра, — не иначе, как в 25, 26 и 30 дней могут поспевать на назначенные пункты, а петербургские войска — без малого в 2 месяца».⁵

14 сентября военный министр разослал командирам трех корпусов на западной границе (генерал-лейтенантам графу П. Х. Витгенштейну, К. Ф. Багговуту и И. Н. Эссену) инструкции по организации разведки и относительно действий в случае приближения войск противника. В частности, П. Х. Витгенштейну предписывалось тайно принять необходимые

меры, чтобы узнать о намерениях правительства Княжества Варшавского и о передислокации войск. «Хотя нет вероятия думать, чтоб с их стороны мир мог быть нарушен, но против легкомысленных поляков всегда должно быть осторожну», — заключал М. Б. Барклай де Толли.⁶ В случае, если польские войска станут приближаться к российским границам «с неприятными намерениями», П. Х. Витгенштейну разрешалось, «не ожидая повеления», приблизить пехотные дивизии к границам, а также «достаточное число кавалерии и артиллерии». Про остальные войска сообщалось, что, «смотря по обстоятельствам», они тоже могут быть сведены впоследствии к назначенным пунктам. В заключение военный министр подчеркивал, что подобные передвижения следует производить «со всей предусмотрительностью, дабы не нарушить без причины общего спокойствия».⁷

Сведения о том, что возле российских границ собираются войска Княжества Варшавского, поступали и ранее. Поэтому 18 сентября П. Х. Витгенштейн поручил шефу Могилевского пехотного полка генерал-майору князю А. В. Сибирскому собрать точные данные. Но уже через пять дней стало известно, что польские войска отошли от границ.⁸ П. Х. Витгенштейн считал, что войска княжества Варшавского концентрировались не столько с целью угрозы, сколько из мер предосторожности «по случаю сбравшихся наших полков для маневров». Тем не менее, командир корпуса обещал предпринять «всевозможные меры», чтобы точно узнать, «не находятся ли они там и ныне, в каком числе и для каких намерений предназначен сбор сей». От польских войск территории России прикрывали расквартированные в Россиенах и Шавлях Могилевский и Пермский пехотные полки. Все остальные части 5-й дивизии (за исключением егерских полков) могли прибыть к этим пунктам «форсированным маршем в 36 часов».⁹

К. Ф. Багговут получил аналогичное предписание в Витебске, куда он прибыл после осмотра войск своего корпуса. Генерал-лейтенант незамедлительно отправился в Вильно для

⁵ ОВ 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 64; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 50–51.

⁶ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 77.

⁷ Там же. С. 77, 78; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 23.

⁸ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 128.

⁹ Там же. С. 128, 129; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 473–474.

принятия необходимых мер¹⁰ и засылки «шпионов». На организацию разведки М. Б. Барклай де Толли 26 октября выделил корпусному командиру, по его просьбе от 30 сентября, 2 000 червонцев.¹¹

И. Н. Эссен получил письмо военного министра в Мире 25 сентября и безотлагательно приказал войскам находиться в готовности «к выступлению в поход, коль скоро получат на то повеление». Генерал-лейтенант сообщил о предписании другому корпусному командиру генералу от инфантерии Д. С. Дохтурову,¹² чтобы согласовать «движения, когда обстоятельства таковых потребуют».¹³

Российско-прусские переговоры в Санкт-Петербурге начались только 22 сентября (4 октября) 1811 г.; второй раунд состоялся через неделю, 28 сентября (10 октября). Кроме Г. И. Д. Шарнхорста, с прусской стороны в них участвовал подполковник Шёлер, состоявший при прусской миссии в Санкт-Петербурге. С российской стороны переговоры вели Александр I, канцлер граф М. П. Румянцев и военный министр М. Б. Барклай де Толли.¹⁴

В начале переговоров Александр I занял сдержанную позицию. Император соглашался с Г. И. Д. Шарнхорстом, что война неизбежна, что она будет ужасной и решит все. Поэтому нет причин, считал он, спешить. Вместо военной конвенции, на подписании которой настаивала прусская сторона, Александр I предлагал заключить тайный договор¹⁵ и обещал рассматривать вторжение французов в Пруссию как нападение на самого себя. Однако, как только Г. И. Д. Шарнхорст настойчиво просил согласовать практические действия России и Пруссии, он наткнулся на стену. Тем не менее, Александр I позволил генералу изложить идеи ведения войны, на которых остановились в Берлине.¹⁶

Содержание прусского плана военных действий было изложено в меморандуме, ко-

торый Г. И. Д. Шарнхорст передал М. Б. Барклаю де Толли. В соответствии с планом, в случае нападения Франции на Пруссию российские войска должны были немедленно перейти границу и занять обширную территорию на левом берегу Вислы. Таким образом, помощь должна была оказываться по первому требованию Берлина, без особых указаний из Санкт-Петербурга. Затем российские войска должны были переправиться через Вислу и развернуться между этой рекой и Одером. Такое продвижение союзной армии, по мнению Г. И. Д. Шарнхорста, позволило бы Пруссии успешно использовать против Франции свои восемь крепостей и 40-тысячную армию. По подсчетам начальника Генштаба, Пруссия могла отвлечь на себя до 100 тыс. французских солдат и Наполеону одновременно пришлось бы иметь дело с силами двух держав. Тем временем российская армия, примкнув своими правым и левым флангами к прусским позициям в Померании и Силезии и опираясь на две группы крепостей и союзные войска, могла бы стать лицом к врагу и попытаться счастья в открытом бою. При переходе Пруссии на сторону России, указывалось в меморандуме, против Франции поднялось бы население северной Германии и в войну вступила бы Англия. В противном случае ресурсы Пруссии могут перейти в руки Наполеона и тогда будут использованы против России.¹⁷

Эти идеи были положены в основу прусского проекта военной конвенции, переданного Г. И. Д. Шарнхорстом императору. Однако проект первоначально не был одобрен Александром I: российское командование не намеревалось выдвигать армию слишком далеко на запад, поскольку опасалось, что она могла быть отрезана от своего тыла и разгромлена войсками Наполеона в Германии и княжестве Варшавском. Император не проявлял особого доверия к прусскому правительству, поскольку знал неустойчивость его внешнеполитического курса. В то время как прусское правительство добивалось подписания военной конвенции, Александр I большее значение придавал заключению союзного до-

¹⁰ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 142; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 487.

¹¹ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 143; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 540–541.

¹² ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 271, 272; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 536–538.

¹³ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 132; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 506.

¹⁴ ВПР. Т. 6. С. 709.

¹⁵ См.: «Проект договора об оборонительном и наступательном союзе между Россией и Пруссией», не позднее 25 сентября (7 октября) 1811 г. // ВПР. Т. 6. С. 177, 178.

¹⁶ См.: Вандаль А. Сочинение: в 4 т. Наполеон и Александр I. Ростов-н/Д., 1995. Т. 4. С. 268, 269.

¹⁷ Там же. С. 269; ВПР. Т. 6. С. 710. Вероятно, при разработке плана осенних операций Г. И. Д. Шарнхорстом учитывались и предложения, высказанные отставным полковником веймарской службы и камергером Рюлем фон Лилиенштерном. См.: ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. СПб., 1905. Т. 6. С. 273; Там же. СПб., 1907. Т. 7. С. 95, 96.

говора между Россией и Пруссией, поскольку полагал, что только он мог обеспечить совместные действия обеих стран против Наполеона.¹⁸

Что касается российского плана, принятого в июне 1811 г., то предварительное вступление в Восточную Пруссию и княжество Варшавское допускалось в нем только как побочное средство, нечто вроде усиленной разведки. За этим должно было последовать добровольное отступление к позади стоящим войскам; затем новое отступление до следующей группы войск — и так вплоть до позиций, на которых решено было ждать французскую армию, уже ослабленную изнурительным походом и постоянными мелкими стычками. Соединение российских армий с прусской предусматривалось только в исключительно благоприятных условиях. Поэтому прусские войска должны были запереться в своих крепостях и держаться в них как можно дольше, образовав по пути следования французской армии ряд укрепленных мест, занятых ее врагами.¹⁹

Г. И. Д. Шарнхорст подверг этот план основательной критике. Он дал понять, что признать а priori необходимость отступления при приближении французов — значит отдать им всю низменную часть Пруссии с ее крайне ценными средствами. Что касается прусских войск, то, запертые в нескольких крепостях и предоставленные самим себе, они рано или поздно будут раздавлены. В этих условиях Пруссии, бесполезно пожертвовавшей собой ради общего дела, неизбежно придется сдать-ся. В выражениях, откровенность которых граничила с дерзостью, Г. И. Д. Шарнхорст объяснил, что Пруссия не может осудить себя на неблагоприятную роль жертвы. Она не может уподобиться покинутой крепости, которую оставляют на растерзание полчищам врагов только для того, чтобы задержать их наступление. Поэтому, если император будет упорствовать, король вынужден будет испробовать единственный шанс на спасение — выслушать предложения Франции.²⁰

Из этих слов Александр I понял, что Пруссия предоставляет ему на выбор только два решения — или вести свои войска в Пруссию, или смотреть на нее, как на врага. Император не мог не понимать, что 80–100 тысяч хорошо вооруженных, снаряженных, воспламененных патриотизмом и чувством ненависти пруссаков будут весьма кстати. Если допустить переход этих войск на сторону врага — это станет дурным примером и позволит Наполеону создать коалицию. Такая перспектива не привлекала Александра I, и он уступил. Нехотя император вернулся к идее наступления, но на этот раз он сохранил за собой право определить границы, за которые не следует переходить.

После «долгих дискуссий» Александр I согласился подписать военную конвенцию (на основе прусских предложений). Окончательный ее вариант согласовали М. Б. Барклай де Толли и Г. И. Д. Шарнхорст. В ночь на 2 (14) октября Шёлер составил проект конвенции, в который Александр I внес изменения. 5 (17) октября 1811 г. конвенция была подписана,²¹ а 6 (18) октября Г. И. Д. Шарнхорст тайно, ночью, покинул Царское Село.²²

Согласно военной конвенции, российские и прусские войска обязывались оказывать друг другу взаимную помощь в случае войны с Наполеоном. Россия обещала выставить 17 дивизий, 6 из которых должны были находиться на таком расстоянии от границы, чтобы при получении приказа сосредоточиться (сбор в 3–4 дня) они могли перейти границу не позднее чем через 8 дней. На сбор и передислокацию к границам других дивизий требовалось от 3 до 4 недель. Со своей стороны Пруссия обязывалась выставить 80 тыс. человек (вместе с гарнизонами). Из них 10 тыс. находилось в «марках» и на Одере; 20 тыс. — в Силезии; 20 тыс. — при Кольберге и 14 тыс. — в самой Пруссии. Остальные войска (за исключением 6 тыс. человек, которые находились в качестве рабочих у Пиллау, но могли в любой момент быть выставлены в поле) размещались в крепостях.²³

В конвенции говорилось, что «система ведения войны», которой желают придерживаться стороны, определена и «в духе ее уста-

¹⁸ 28 сентября (10 октября) 1811 г., на второй аудиенции, Александр I зачитал Г. И. Д. Шарнхорсту и Шёлеру проект российско-прусского договора об оборонительном и наступательном союзе между странами. Одновременно этот проект был направлен Х. А. Ливену для обсуждения непосредственно в Берлине. Однако идея оборонительного союза не была поддержана Фридрихом Вильгельмом III. Тексты проектов см.: ВПР. Т. 6. С. 177–180.

¹⁹ См.: Вандаль А. Указ. соч. Т. 6. С. 269, 270.

²⁰ Там же. С. 270.

²¹ См.: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1885. Т. 7. С. 24–37; ВПР. Т. 6. С. 197–201.

²² ВПР. Т. 6. С. 709, 710.

²³ Там же. С. 199, 200.

новлены разделением армии и в общих чертах план операций». Оперативный план предусматривал выдвижение российского сводного корпуса (12 батальонов, 8 эскадронов, 2 казачьих полка и артиллерия) за первую линию на границу Пруссии (недалеко от того места, где Восточная Пруссия вклинивается между морем и российскими территориями). Как только начнется война, этот корпус переходит границу и прикрывает Кёнигсберг от французского гарнизона в Данциге и от варшавских войск. Затем пять российских дивизий, расположенных около границ, выдвигаются на Вислу (до ее занятия войсками противника) и ждут неприятеля. Если же противник направит корпус данцигского гарнизона к княжеству Варшавскому, тогда соединенный российско-пруссский корпус, прикрыв Кёнигсберг, сблизится с правым крылом российской армии и будет действовать с ним заодно. В это же время прусская армия своими корпусами, расположенными в крепостях, будет активно обороняться и тем воспрепятствует продвижению противника к Висле.²⁴

Информация о положении в княжестве Варшавском была получена в самые короткие сроки. Как сообщал 4 октября П. Х. Витгенштейну генерал-майор К. Ф. Казачковский,²⁵ в Замостье, Люблине, Варшаве и Сироцке действительно собраны польские войска, а к последним двум пунктам «собирается вся конскрипция, но не для помещения в состав войск, а для работ укреплений». Напротив Виленской губернии оставался один кавалерийский полк (штаб-квартира в Новом Месте), который держал кордон по российской и прусской границам. По слухам, которые распространялись в Княжестве Варшавском, при Россиенах собирается до 25 тыс. российских войск. В целом же, российские военные приготовления «в польских губерниях потревожили герцогство Варшавское», и поэтому в нем происходило движение войск и был организован сбор лошадей для артиллерии. Однако, по мнению К. Ф. Казачковского, «близ наших границ вести войну они не могут по великому недостатку сена». Генерал-майор также отмечал большое число дезертиров среди польской армии.²⁶

²⁴ ВПР. Т. 6. С. 197–201; Вандаль А. Указ. соч. Т. 4. С. 271, 272.

²⁵ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 126; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 29.

²⁶ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 233, 234; СПб., 1905. Т. 6. С. 1; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 33; Д. 435. Л. 607.

Примерно такого же характера донесения поступали от К. Ф. Багговута²⁷ и от командующего Подольской армией генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона. В частности, 6 октября князь сообщил военному министру, что появившиеся на границе польские разъезды не представляют опасности, поскольку они малочисленны и призваны следить за беглыми. И хотя, по данным разведчиков, в Замостье прибыл один или два пехотных польских полка, они предназначены исключительно для крепостных работ. О более крупных передвижениях войск ничего не было слышно. Вообще, по мнению П. И. Багратиона, поляки «боятся и в большом страхе, чтоб мы внезапно не сделали на них нападение».²⁸

Таким образом, из полученных разведанных следовало, что приготовления польской стороны вызваны слухами о передвижениях и концентрации российских войск в приграничных губерниях и не носят наступательного характера.

В такой, довольно благоприятной, обстановке, после подписания военной конвенции, М. Б. Барклай де Толли приступил к рассылке планов военных действий командирам корпусов.²⁹

8 октября³⁰ военный министр приказал П. Х. Витгенштейну (конверт № 1) немедленно перенести корпусную квартиру из Риги в Шавли, поближе к месту сосредоточения 5-й дивизии, под предлогом того, что в зимнее время «морские берега... не подвергаются более никаким опасностям». 5-ю дивизию следовало приблизить с берегов Балтики к Тельшам, Шавлям и Россиенам. Это планировалось сделать так, чтобы она «в несколько дней по получении приказа могла перейти в Тильзит за реку Неман». С этой целью Севский полк переводился из Митавы в Куртовяны (должен был оставаться в Митаве до прибытия на смену ему из Вендена

²⁷ См.: ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 328, 329; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 543–544.

²⁸ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 246, 247; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 509–510. То же самое П. И. Багратион сообщал и 12 октября 1811 г. См.: ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 272.

²⁹ Насколько скрытно производилась подготовка к этой операции, свидетельствует тот факт, что вся переписка велась собственноручно военным министром и командирами корпусов (на русском, немецком или французском языках, как кому было удобно), а содержание данных указаний предписывалось хранить в «непроницаемой тайне».

³⁰ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 251.

25-го егерского полка); Калужский — из Бауска в Бейсаголы; 23-й егерский — из Виндавы в Куршаны; 24-й егерский — из Либавы в Плу(г)яны; 5-я батарейная рота 5-й артиллерийской бригады — из Митавы в Видукли. Все прочие полки и артиллерийские роты 5-й дивизии должны были оставаться на своих местах. Передислокацию предписывалось провести «без дальней огласки», под предлогом приближения полков к главным провиантским магазинам для лучшего снабжения их продовольствием. Каждый полк планировалось переводить по одному, «чтобы один не ведал о движении другого». В распоряжение П. Х. Витгенштейна из корпуса К. Ф. Багговута передавались два казачьих полка — майора Селиванова и подполковника Родионова, — которые располагались по границе и содержали кордон от Полангена до устья р. Посвенты.³¹

Эти войска, а также Гродненский гусарский полк предписывалось содержать «во всегдашней готовности к походу». Однако, чтобы избежать «преждевременной тревоги», П. Х. Витгенштейну запрещалось делать какие-либо предписания. Высокой степени боеготовности рекомендовалось достигать «частыми смотрами войск», а во время их — обращать внимание «на все то, что нужно для готовности к походу».

Военный министр также сообщил П. Х. Витгенштейну, что командующий в Мариенвердере на нижней Висле прусский генерал-майор Г. Д. Л. Йорк будет находиться с ним в «беспрерывной переписке». Он должен сообщать графу «о всех происшествиях на Одере, Висле и в герцогстве Варшавском», а П. Х. Витгенштейн — информировать Александра I. Барклай де Толли также сообщил секретный канал связи между правительствами Пруссии и России: Йорк отправляет пакеты Витгенштейну «под адресом прусского почт-директора Миллера в Мемель», который пересылает их в Поланген «офицеру для связи» майору А. Врангелю, а тот — эстафетами или с нарочным курьером — Витгенштейну.³² На издержки М. Б. Барклай де Толли выделял 3 тыс. руб.³³ А 10 октября корпусному командиру было предписано «сводных грена-

дерских батальонов не перемещать с полками 5-й пехотной дивизии», а оставить на своих местах.³⁴

Все эти предписания П. Х. Витгенштейн получил 12 октября в Везенберге, где он осматривал войска, и в тот же день корпусный командир отправился в Ригу «для приведения в немедленное исполнение означенных повелений».³⁵

12 октября М. Б. Барклай де Толли раскрыл задачи, стоящие перед П. Х. Витгенштейном.³⁶ В случае «действительного открытия неприятельских действий французов и их союзников противу короля прусского» он должен был «подкрепить прусские войска, в самой Пруссии находящиеся». Для этой цели предназначались 12 батальонов 5-й пехотной дивизии, 5-я артиллерийская бригада, 8 эскадронов Гродненского гусарского полка и два казачьих полка — майора Селиванова и подполковника Родионова. Этот корпус должен был «подвинуться через Тильзит и Прегель реку» и вместе с прусскими войсками защищать Кёнигсберг.³⁷

Сигналом для выступления (т. е. началом войны) признавались 3 случая — действия противников с целью занятия «королевско-прусского владения»; значительное увеличение французских и союзных войск на Висле; занятие французами и их союзниками какой-либо части прусских владений. В каждом случае командующий на Висле генерал-майор Г. Д. Л. Йорк пересылает вместе со своим донесением «собственноручное» повеление прусского короля. Если же французы за счет быстрых действий гарнизонов в Штеттине, Кюстрине, Торуне и Данциге прервут сообщение между Вислой и Одером или Берлином и король не сможет отправить «собственное

³⁴ Там же. С. 259; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 41 (дополнение к предписанию № 1). 13 октября генерал-майор К. Ф. Казачковский сообщил П. Х. Витгенштейну, что сводные гренадерские батальоны 5-й пехотной дивизии сведены и расположены квартирами: батальон 1-й бригады (командир — майор 23-го егерского полка Телегин) в м. Эжау Курляндской губернии; 2-й бригады (командир — майор Могилевского пехотного полка Врангель) в м. Грудзе Виленской губернии. Кроме того, были определены места для лечения больных и продовольствия этих войск. 17 октября командир корпуса сообщил об этом министру. См.: ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 280; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 39.

³⁵ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 270; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 435. Л. 503.

³⁶ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 268–270; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 43–44. Предписание № 2, получено 15 октября.

³⁷ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 268; ВПР. Т. 6. С. 198–200.

³¹ Там же. С. 249–251; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 35–36.

³² ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 250; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 35–36.

³³ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 250, 251. Деньги высланы 10 октября.

повеление», тогда Г. Д. Л. Йорк должен будет переслать сообщение через «благонадежного офицера прямо через Тильзит и Тауроген в Россиены или Шавли». Этого офицера приказывалось доставить к командиру корпуса «на казачьих лошадях».³⁸

При получении сведений от Г. Д. Л. Йорка П. Х. Витгенштейну предписывалось переправиться с войсками сводного корпуса около Тильзита через Неман и следовать к р. Прегель. Одновременно он должен был уведомить о переходе границы нарочными курьерами корпусных командиров К. Ф. Багговута (в Вильно), И. Н. Эссена (в Слониме) и Д. С. Дохтурова (в Дубно), а также главнокомандующего Подольской армии П. И. Багратиона (в Житомире). В этом случае им было приказано свести войска на сборные пункты у границы, чтобы «содействовать к одной цели, по издаваемой диспозиции».

Сводный корпус планировалось подчинить одному из «королевско-прусских принцев», как командующему в Пруссии генерал-губернатору. При отсутствии принца командование и над всеми прусскими войсками принимал П. Х. Витгенштейн. Эти войска состояли из двух бригад общей численностью 14 тыс. человек. Бригада генерал-майора Г. Д. Л. Йорка располагалась на Висле, между Грауденцом и Данцигом, а генерал-майора Штутерхейма — около Кёнигсберга. В случае наступления противника со стороны Данцига и Торна прусские войска должны были уничтожить все переправы через реки, остановить неприятеля и удерживать его в позициях около Пасаржи и Фришинга, чтобы обеспечить приближение российских войск. Снабжение продовольствием корпуса П. Х. Витгенштейна возлагалось на прусское правительство, поэтому командующий должен был своевременно сделать соответствующие распоряжения. При переходе через Неман российские войска получали, кроме 10-дневного провианта в полках, 10-дневный запас сухарей из провиантских магазинов.³⁹

В тот же день, 12 октября, военный министр просил П. М. Волконского составить маршруты 25-му егерскому полку для перехода из Вендена в Митаву, причем «не по обыкновенной большой дороге»: 1-й батальон должен был следовать из Вендена по правому берегу

реки Аа, через Вангаш, Капель, Хензелгоф, Роденпойе и Дингоф, а 2-й — из Юргенсбурга через Ленваден. Все это делалось для того, чтобы войска «не встречались с проезжающими по почтовой дороге».⁴⁰

13 октября П. М. Волконский внес в секретные маршруты, составленные 12 октября,⁴¹ изменения и подготовил несколько новых: Брестскому пехотному полку — на переход из Острова в Красное и его окрестности; одному батальону 30-го егерского полка со штабом — из Невеля в Городок; 17-й батареей роты — из Опочки в Себеж.⁴² Таким образом, ближе к границе подтягивались и войска второго эшелона.

К 15 октября 1811 г. все основные подготовительные мероприятия были завершены, и военный министр приступил к рассылке командирам секретного приказа о полной готовности войск. 15 октября такие приказы (вместе с маршрутами движения войск) были отправлены П. Х. Витгенштейну, К. Ф. Багговуту и И. Н. Эссену, а 17 октября — Д. С. Дохтурову и П. И. Багратиону.⁴³

В случае выступления в Пруссию П. Х. Витгенштейн должен был (пакет № 3) сообщить обо всем старшему после себя в корпусе генерал-майору П. Д. Каховскому.⁴⁴ Одновременно графу высылались маршруты 14-й пехотной, 1-й кавалерийской дивизий и 14-й артиллерийской бригады (пакет № 6). В момент переправы через Неман П. Х. Витгенштейн должен был разослать их полкам и приказать им «в тот же час по оным выступить и следовать в назначенные места».⁴⁵

Содержание предписаний другим генералам было одинаковым в общей части и отличалось только в деталях. В частности, К. Ф. Баг-

⁴⁰ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 270, 271; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 153. Кроме того, к 15 октября П. М. Волконский должен был подготовить маршруты для всех запасных эскадронов, которым были назначены «по общему распоряжению» особые квартиры (без гвардии). Цель передислокации — формирование в Усвяте Астраханского кирасирского полка, а в Пирятине (Полтавская губерния) — Новгородского кирасирского полка. См.: ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 285, 286; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 156–157.

⁴¹ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 282; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 161.

⁴² ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 271; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 154.

⁴³ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 302–304, 313–315; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 54–58, 59–63. Все эти пакеты были получены лично корпусными командирами.

⁴⁴ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 288; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3515. Л. 47.

⁴⁵ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 304; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 58.

³⁸ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 268, 269.

³⁹ Там же. С. 269, 270; ВПР. Т. 6. 199, 200.

говуту после получения известия о переходе П. Х. Витгенштейна через Неман приказывалось «тотчас сблизить войска» корпуса — 4-ю и 1-ю пехотные дивизии, 4-ю артиллерийскую бригаду, Псковский и Каргопольский драгунские полки — к Вильно. Прилагались маршруты полкам 1-й гренадерской дивизии и Псковскому драгунскому полку; остальным — маршруты должен был дать сам К. Ф. Багговут. Елисаветградский и Изюмский гусарские полки, а также понтонную роту № 3, «по близости их к границе», рекомендовалось передислоцировать в последнюю очередь. Все прочие войска корпуса должны были ожидать указаний, а после их получения — немедленно выступать и следовать по маршрутам, которые были вложены в конверт № 9. Этот конверт разрешалось распечатать только в случае получения от П. Х. Витгенштейна извещения «о переходе его в Пруссию», что и будет служить «знаком, что война неизбежна».⁴⁶

В свою очередь И. Н. Эссен должен был «сблизить» 3-ю пехотную дивизию и ее артиллерийскую бригаду к Гродно. К ним в случае необходимости разрешалось присоединить Изюмский гусарский полк, расквартированный в Великой Берестовице и Каменце-Литовске. 11-я пехотная и 3-я кавалерийская дивизии и 11-я артиллерийская бригада должны были следовать к Брест-Литовску и Кобрину и там ожидать дальнейших приказов «к действию».⁴⁷

Генералы Д. С. Дохтуров и П. И. Багратион должны были организовать передислокацию частей к Ковелю и Дубно. Д. С. Дохтуров отвечал за 24-ю и 7-ю пехотные дивизии, Харьковский, Черниговский драгунские, Ахтырский гусарский, Литовский уланский полки, и конную № 7 роту 2-й резервной артиллерийской бригады⁴⁸ (все в Дубно), а П. И. Багратион — за полки 2-й гренадерской, 26-й пехотной дивизий с их артиллерийскими бригадами, 2-й кирасирской и 4-й кавалерийской дивизий (кроме Ахтырского полка), а также за Татарский уланский полк и 3-ю резервную артиллерийскую бригаду (все в Луцк); за полки 12-й и 18-й дивизий с их

артиллерийскими бригадами, 5-й кавалерийской дивизии и за 4-ю резервную артиллерийскую бригаду (все в Дубно).⁴⁹

После получения секретного приказа командующий Подольской армией П. И. Багратион уверил военного министра в том, что воля императора будет исполнена в точности. «...Что же касается до изготовления армии мне вверенной, — писал князь, — не имею никакой надобности ныне им повторить, ибо со вступления моего в командование предписано, как водится, по службе, с получения последнего повеления, тотчас выступить, так армия в готовности находится». В то же время П. И. Багратион сообщал о невозможности в случае «экстренного движения» «скоро собрать» армию, поскольку она расположена «весьма обширно и в трех губерниях».⁵⁰

На протяжении октября 1811 г. российские войска постоянно подтягивались к границам. 29 октября было принято решение о передислокации артиллерийских рот 1-й бригады (из Санкт-Петербурга) ближе к своей дивизии. Поэтому М. Б. Барклай де Толли просил П. М. Волконского назначить ротам квартиры около Смоленска и Витебска, «дабы не стеснить слишком войск, в Витебской и Минской губ. расположенных», и вместе с тем «облегчить их продовольствие». Лучшим вариантом военный министр считал Псковскую губернию, расположенную «ближе к прямейшему тракту отсюда к Вильне», при условии, что это не стеснит других войск и будет в наличии фураж.⁵¹ 30 октября П. М. Волконский назначил квартиры в следующих местах: батарейной роте № 1 — в Толочине; легкой № 1 — в Бобре; легкой № 2 — в Староселье Могилевской губернии.⁵² А 3 ноября по просьбе военного министра он составил маршруты для этих рот.⁵³

Таким образом, к началу ноября 1811 г. российские войска 1-го эшелона были передислоцированы ближе к границе. Одновременно подтягивались войска 2-го эшелона. 8 ноября

⁴⁶ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 302, 303; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 54–55. Генералу К. Ф. Багговуту, кроме того, советовалось не вступать ни с кем из корпусных командиров в переписку.

⁴⁷ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 303, 304; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 56–57. И. Н. Эссену дополнительно сообщались места сбора соседних корпусов.

⁴⁸ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 314; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 60.

⁴⁹ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 315; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 62. Генералам Д. С. Дохтурову и П. И. Багратиону рекомендовалось не делать войскам никаких предписаний о готовности к походу, чтобы избежать «преждевременной напрасной тревоги», а поддерживать их в полной готовности «частыми осмотрами».

⁵⁰ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 316; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 434. Л. 48–49.

⁵¹ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 5. С. 341; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 166.

⁵² Там же.

⁵³ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 6. С. 218; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 167.

генерал П. М. Волконский внес по поручению военного министра исправления в «дислокационную ведомость» и «квартирную карту», отразившие перемены, которые произошли в октябре 1811 г.⁵⁴ Все было готово к военным действиям.

Однако дальше выработки общего оперативного плана с Пруссией дело не пошло. Фридрих Вильгельм III, не забывший уроки 1806 г., уклонился от ратификации военной конвенции от 5 (17) октября 1811 г. Когда Александр I через месяц не получил из Берлина конвенцию с королевской ратификацией, он понял, что у прусского короля не

хватило мужества довести до конца свой проект — восстать против Наполеона и попытаться счастье в войне. «Не допуская еще полной измены Пруссии, — писал французский историк А. Вандаль по этому поводу, — император сравнительно легко примирился с решением слабovolьного короля, которое позволяло ему вернуться к избранному им плану, т. е. к плану оборонительной войны, на который он возлагал столько надежд». Поэтому он ничего не сделал, чтобы оказать давление на решение Пруссии. Александр I снова, по образному выражению А. Вандалья, «застыл в неподвижной позе». А мы добавим — до февраля 1812 года...

Ключевые слова: *Россия, Пруссия, оперативное планирование, военная конвенция, княжество (герцогство) Варшавское, разведка, стратегическое развертывание войск*

Andrei M. Lukashevich

Candidate of Historical Sciences, Belarussian State University (Belarus, Minsk)

E-mail: *lukashevand@mail.ru*

RUSSIAN-PRUSSIAN OPERATIONAL PLANNING: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION (SEPTEMBER–NOVEMBER 1811)

The article describes the planning and the preparation of the joint Russo-Prussian offensive operation in September–November, 1811. Significant attention is paid to the elaboration of conditions for the participation of Russia in the operation, as set forth in the text of the Russo-Prussian military convention, in the process of negotiations with G. J. D. von Scharnhorst in St. Petersburg. The author analyzed the preparation of Russia for the campaign: organization of military intelligence in the near-border provinces, concentration and redeployment of troops, operational plans. The author came to a conclusion that Russia was prepared to start military action immediately subject to the ratification of the military convention and the actual creation of the coalition. However the indecisiveness of King Frederick William III of Prussia did not allow the allies to make a preventive strike.

Key words: *Russia, Prussia, operational planning, military convention, the Principality (Duchy) Warsaw, intelligence, strategic deployment of troops*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Martens F. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva Putey Soobshcheniya, 1885, Vol. 7, 456 p. (in Russ.).

Otechestvennaya voyna 1812 goda. Materialy Voennno-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Perepiska russkikh pravitelstvennykh lits i uchrezhdeniy (The Patriotic war of 1812. Proceedings of Military Science Archive of the General Staff. Branch I. Correspondence of Russian government officials and agencies). St. Petersburg, 1904, Vol. 5. 386 p. (in Russ.).

Otechestvennaya voyna 1812 goda. Materialy Voennno-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Perepiska russkikh pravitelstvennykh lits i uchrezhdeniy (The Patriotic war of 1812. Proceedings of Military Science Archive of the General Staff. Branch I. Correspondence of Russian government officials and agencies). St. Petersburg, 1904, Vol. 6. 386 p. (in Russ.).

Vandal A. Rostov-on-Don: Feniks, 1995, Vol. 4, 512 p. (in Russ.).

Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty Rossiyskogo Ministerstva inostrannykh del. Seriya pervaya. 1801–1815 gg. (The Foreign policy of Russia in the XIX and early XX century. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. First series. 1801–1815 years). Moscow: Gospolitizdat, 1962, Vol. 6, 864 p. (in Russ.).

⁵⁴ ОВ 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. 6. С. 238, 239; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 363. Л. 46, 176.